Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Л. МАРТОВЪ.

Впередъ или назадъ?

Изданіе Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

ЖЕНЕВА
Типографія Партіи. Rue de la Coulouvrenière, 27.
1904.

Вмѣсто надгробнаго слова.

Всякій слышалъ о томъ знаменитомъ оружіи австралійскихъ туземцевъ, которое называется бумерангомъ и которое, будучи брошено умѣлой рукой, возвращается назадъ и падаетъ къ ногамъ охотника.

Въ противоположность искусству австралійскаго охотника, искусство публициста обыкновенно заключается въ томъ, чтобы брошенный имъ снарядъ *не вернулся* къ нему обратно. Особенно это надо сказать о такомъ оружіи, какъ *стрѣлы остроумія*. Неумолимой ироніей звучитъ такая стрѣла, когда она, отскочивъ отъ противника, летитъ обратно къ неумѣлому стрѣлку... И чѣмъ ядовитѣе была задумана острота, тѣмъ больнѣе она царапаетъ неосторожнаго воина.

„Шагъ впередъ — два назадъ!“ гласитъ книга Ленина, ставящая себѣ цѣлью окончательно пришпилить „оппортюнистическій“ ярлыкъ къ нынѣшнему партійному меньшинству. Шагъ впередъ, сдѣланный „Аксельродами“, когда подававшій большія надежды русскій „практикъ“ Ленинъ предложилъ своимъ учителямъ союзъ для борьбы съ оппортюнизмомъ. „Два шага назадъ“, когда „Аксельроды“, увидавъ, что расправившій подъ ихъ попеченіемъ свои крылья „орленокъ“ оказался, по внимательномъ разсмотрѣніи, довольно вульгарной породы политической птицей, — отреклись, за себя и за болѣе зрѣлую часть партіи, отъ дальнѣйшей солидарности съ нѣкогда подававшимъ надежды...

Въ своей новой книгѣ тов. Ленинъ не съумѣлъ показать, почему тѣ и другія частныя возрѣнія ред. „Искры“ по вопросамъ тактики и организаціи кажутся ему несовмѣстимыми съ той партійной *программой*, которую эта редакція выработала и которая была санкціонирована партійнымъ съѣздомъ, какъ *выраженіе основъ политическаго міровоззрѣнія партіи*, какъ резюме политической работы, совершенной „Искрой“. Не съумѣвъ показать *этого*, тов. Ленинъ запутался въ самыхъ смѣшныхъ, недостойныхъ его репутаціи, противорѣчіяхъ, не могъ поставить своего обвиненія въ оппортюнизмѣ на сколько нибудь прочное основаніе, не съумѣлъ объяснить, съ своей точки зрѣнія (если у него есть еще какая нибудь), *историческихъ корней того новаго оппортюнизма*, который онъ взялся обличить, не съумѣлъ, слѣдовательно, объяснить такъ, какъ подобаетъ марксисту, с[illegible] маго кризиса въ нашей партіи. И потому, что онъ не съумѣлъ сдѣлать этого, выброшенная изъ его лука стрѣла съ жалобнымъ стономъ возвращается обратно и въ этомъ ея стонѣ слышится пѣсня: „шагъ впередъ“ — отъ объясненія появленія „мень[illegible]

ства“ „дрязгами“ къ попыткѣ объяснить его принципіальной противоположностью между интеллигенціей и пролетаріатомъ; два шага назадъ — отъ неудавшагося принципіальнаго объясненія къ двойной дозѣ инсинуацій относительно „карьеризма“, погони за мѣстами и проч. и проч. Любитель пикантныхъ „болотныхъ“ аналогій сдѣлалъ героическое усиліе, чтобы вытащить себя за собственные волосы изъ того болота политической грязи, въ которомъ онъ пытался заложить основанія „своей“, ленинской партіи; попытка не удалась, и книга, начатая обѣщаніемъ показать „основной политическій характеръ“ (см. предисловіе) нашей „междуусобной“ войны, *должна* была закончиться... реабилитаціей ... Гусева.

Шагъ впередъ — два назадъ! какъ похоронный мотивъ, звучатъ эти слова, когда читаешь книгу Ленина и тщетно вопрошаешь: гдѣ же авторъ скажетъ намъ — какова глубокая, историческая подпочва того кризиса, о которомъ онъ взялся писать? гдѣ же виды на будущее? гдѣ указаніе — что же дѣлать? Увы! растерянным взоромъ смотритъ авторъ на ту партію, въ которой ему привелось занять „сверхъ-центральное“ мѣсто, смотритъ — и не видитъ всей трудности ея *политическаго* положенія передъ задачами, которыя *уже* возложила на нее исторія, не вложивъ *еще* въ ея руки орудій для ихъ осуществленія; смотритъ — и не видитъ колоссальной работы, обязанность, выполненія которой возложена на партію неожиданной войной, промышленнымъ кризисомъ, быстро движущимся впередъ процессомъ разложенія всѣхъ еще уцѣлѣвшихъ подпорокъ нынѣшняго государственнаго режима, быстрымъ формированіемъ тѣхъ общественныхъ силъ, которыя своей совокупностью образуютъ политическую среду, долженствующую собой опредѣлять и *осложнять* работу пролетарской партіи. Онъ видитъ только... „кооптаціонныя дрязги“, „ошибку по первому параграфу“, „тройку“, „шестерку“ и т. д. И когда отовсюду слышится уже гулъ голосовъ, которые завтра же громко и съ плебейской рѣзкостью поставятъ намъ вопросъ: „что же дѣлать?“, этотъ „вождь“, словно въ забытьи, бормочетъ: „двѣ тройки, двѣ тройки, двѣ тройки“.

Это — почти трагедія. Жаль только, что выступленіе тов. Ленина совершается при такомъ бенгальскомъ освѣщеніи, которое способно заранѣе убивать „чувство трагическаго“, слишкомъ грубо задѣвая въ насъ чувство *смѣшного*.

Реклама, которою обставилъ выходъ своей книги тов. Ленинъ и которая представляетъ собой совершенно необычное въ нашей партіи явленіе[1]), заставляетъ невольно вспомнить о другой книгѣ другого „бывшаго“... вождя, Эдуарда Бернштейна, котораго извѣстные „труды“, чѣмъ болѣе становились они „безцѣнными“, тѣмъ съ большей помпой „вылетали“ въ свѣтъ. Еслибъ я былъ одаренъ нѣкоторыми основными пріемами мышленія,

---

[1]) Зри изданныя партійной экспедиціей красныя прокламаціи, въ которыхъ міръ оповѣщается о выходѣ книги Ленина, а за одно и о продажѣ, по сходнымъ цѣнамъ, „типовъ Горькаго“ (не иронія ли этотъ намекъ на „бывшихъ людей?“).

характеризующими Ленина, я бы поспѣшилъ изъ этого сопоставленія сдѣлать выводъ: склонность къ рекламированію „создающихъ эпоху“ произведеній характеризовала Бернштейна; ее же нынѣ проявилъ Ленинъ; *стало быть*, Ленинъ совершилъ поворотъ къ бернштейніанству. Но, какъ ни соблазнительно сдѣлать подобное умозаключеніе, я не могу на это рѣшиться, хотябы и зналъ, что подобное „остроуміе“ привлечетъ ко мнѣ сердца всѣхъ „принципіально-выдержанныхъ“... упростителей. И, тѣмъ не менѣе, сопоставленіе между Ленинымъ и Бернштейномъ (по вопросу о рекламѣ) имѣетъ значеніе.

Когда-то тов. Ленинъ выразился о Бернштейнѣ: „геростратовски извѣстный“ Бернштейнъ. Геростратомъ Бернштейну не удалось стать: фейерверкъ его критики оказался безсиленъ сжечь чудный образецъ истино человѣческаго творчества — систему научнаго соціализма. Но геростратовской была и осталась *попытка* Бернштейна, въ результатѣ которой онъ такъ больно обжегъ свои пальцы. И вотъ невольно вспоминаешь объ этой попыткѣ, когда подводишь итогъ предпріятію автора „Что дѣлать?“. Что-то геростратовское видится въ его, съ лучшими, конечно, намѣреніями предпринятомъ, дѣлѣ — быстраго, безпощаднаго разрушенія той самой партіи, которую, камень за камнемъ, въ упорномъ трудѣ складывали дѣятели послѣднихъ лѣтъ... Стоитъ читать эти строки, дышащія мелкой, подчасъ безсмысленной, личной злобой, этой поразительной самовлюбленностью, этой слѣпой, глухой и, вообще, какой-то безчувственной яростью, это безчисленное повтореніе однихъ и тѣхъ же безсодержательныхъ „бойкихъ“ и „хлесткихъ“ словечекъ, — чтобы убѣдиться, что передъ нами человѣкъ, фатально *вынужденный* катиться дальше по той плоскости, на которую онъ „стихійно“ всталъ, и которая прямехонько ведетъ его къ полному политическому развращенію и раздробленію соціальдемократіи.... Геростратовъ подвигъ! скажутъ потомки, если сильныя руки товарища Ленина потащатъ за собой въ этомъ бѣшеномъ галопѣ нашу партію; и они же утѣшатъ товарища Ленина указаніемъ на Бернштейна, если отъ этой геростратовой попытки останется только жгучая боль въ его пальцахъ. Да будетъ!

I. Методъ мышленія и манера спора.

Попробуемъ своими словами изложить „суть“ брошюры Ленина. Если оголить ее отъ всѣхъ полемическихъ инкрустацій и мелочныхъ пустяковъ, столь характерныхъ нынѣ для нашего лидера, то мы получимъ слѣдующую „схему“.

Трехлѣтней упорной борьбой съ оппортюнизмомъ „искровство“ подчинило себѣ партію въ такой мѣрѣ, что, при всей осторожности „искровцевъ“ (см. стр. 1), можно было рискнуть созвать съѣздъ для оффиціальнаго объединенія партіи. Но, когда съѣздъ былъ созванъ, оказалось, что только $^3/_5$ партіи (33 изъ 51, см. діаграмму) могутъ считаться искровскимй. Когда же остальныя $^2/_5$ стали на съѣздѣ бороться противъ „искроветва“, то оказалось, что и изъ этихъ трехъ пятыхъ многіе ненадежны и склонны къ оппортюнизму. (въ томъ числѣ половина организаціи „Искры“, $^2/_3$ редакціи „Искры“ и $^2/_3$ Группы Освобожденія Труда). Благодаря этому, съѣздъ, явившійся плодомъ трехлѣтней „нашей“ работы и созванный только послѣ того, какъ „мы“ семь разъ „отмѣрили“ (стр. 1), рисковалъ привести къ *оффиціальному торжеству оппортюнизма*. Къ „нашему“ счастью, уходъ „Бунда“ и „Союза“ перевернулъ всѣ отношенія — „мы“ оказались въ большинствѣ, благодаря ортодоксальной бдительности тов. Муравьева, Дѣдова, Ланге и др. „Мы“ побѣдили, и, видя, какъ живучъ „оппортюнизмъ“ и какъ падки до него нѣкоторые основатели „Искры“ и русской соціальдемократіи, рѣшили провести такія двѣ „тройки“, которыя бы позволили ввести „осадное положеніе“ и тѣмъ создать „организаціонный базисъ для борьбы при помощи устава съ тѣмъ, что это большинство считало шаткостью, неустойчивостью, расплывчатостью“ (стр. 91). Такъ какъ большинство понимало, что время „кружковщины“ миновало и что настала пора (стр. 112) „партійной точки зрѣнія“, то „мы“ предложили, чтобы проведеніе „осаднаго положенія“ противъ „расплывчатаго меньшинства“ совершалось при участіи членовъ этого самаго меньшинства — Мартова въ Ц. О. и Попова въ Ц. К. Пропитанные „обывательской точкой зрѣнія“, Мартовъ и Поповъ не захотѣли выполнить этой роли. Тѣмъ самымъ, „побѣда“ твердаго большинства превратилась въ источникъ всякихъ неурядицъ. („Отказъ Мартова и Попова отъ выборовъ внесъ сразу атмосферу *дрязги* въ партійную борьбу партійныхъ оттѣнковъ“). Въ виду этого, пришлось принять „исключительныя мѣры“ противъ „меньшинства,“ засѣвшаго въ Лигѣ. Но Г. В. Плехановъ, тоже оказавшійся „непослѣдовательнымъ искровцемъ“, отказался санкціонировать эту новую „побѣду“ надъ многажды побѣжденнымъ „оппортюнизмомъ“. Товарищъ Ленинъ, въ безпредѣльныхъ заботахъ о партійномъ мирѣ, рѣшилъ „перебраться въ Ц. К.“, чтобы оттуда по-

ражать „своей маленькой артиллеріей“ столько разъ уже побѣжденнаго супротивника. Этотъ послѣдній развернулъ свой „оппортюнизмъ“ самымъ циничнымъ образомъ, показавъ всѣмъ и каждому (стр. 134: „*Всѣ* и *каждый* видятъ поворотъ къ оппортюнизму“), какъ правъ былъ тов. Ленинъ, когда настаивалъ на необходимости безпощадно преслѣдовать этотъ „интеллигентскій индивидуализмъ“, возставшій противъ „пролетарской дисциплины“. Откликнувшись на этотъ зовъ, „всѣ и каждый“, въ лицѣ большинства комитетовъ, объявили войну „дезорганизаторамъ“ и въ рядѣ резолюцій еще разъ побѣдили ихъ. Въ результатѣ — „отсталые элементы партіи взяли верхъ“ въ ней. Выяснилось, такимъ образомъ, что въ соціальдемократіи отсталые элементы обладаютъ удивительнымъ свойствомъ брать верхъ въ партіи, оставаясь въ ничтожномъ меньшинствѣ. Противъ интеллигентскаго индивидуализма оказалась безсильна пролетарская дисциплина — и все потому, что новоявленные оппортюнисты пустили въ ходъ дезорганизацію, сплетни и „нечестные“ пріемы въ борьбѣ. Иначе говоря:

Тов. Ленинъ послѣ трехъ лѣтъ борьбы съ оппортюнизмомъ съ большимъ трудомъ „закрѣпилъ вліяніе“ въ партіи для систематическаго проведенія осаднаго положенія противъ побѣжденныхъ. Пролетарская дисциплина, партійная точка зрѣнія, революціонный якобинизмъ раздавили интеллигентскій индивидуализмъ, кружковщину, обывательщину и „хлюпкій“ жирондизмъ. Но *такъ какъ* побѣжденные отказались прекратить борьбу, *такъ какъ* они отказались пользоваться въ борьбѣ только тѣми средствами, которыя имъ рекомендовали побѣдители, *такъ какъ* они продолжали быть индивидуалистами, „обывателями“ и жирондистами, *такъ какъ* они не захотѣли „молчаливо признать свою ошибку на съѣздѣ“ (см. стр. 113), *такъ какъ* Аксельродъ и Мартовъ оправдали худшія опасенія, вызванныя въ „большинствѣ“ ихъ „ошибкой по § 1“ и вызвавшія необходимость „двухъ троекъ“ и „осаднаго положенія“, а Плехановъ поддался ноябрскимъ вѣяніямъ „женевской погоды“ (см. стр. 132), и *такъ какъ* оппортюнисты были въ жалкомъ меньшинствѣ, а „твердые“ въ значительномъ большинствѣ, *такъ какъ* „новая“ „Искра“ въ роли партійнаго органа „не выражаетъ интересовъ и воли партіи“ (стр. 119) и представляетъ ея *отсталые* элементы въ борьбѣ противъ *передовыхъ*, то, *въ силу этого*, „отсталые элементы взяли верхъ“, и нашъ восхитительный стратегъ, совершившій въ короткое время столько большихъ и малыхъ походовъ, очутился въ положеніи, близкомъ къ положенію пушкинской старухи, которая побывала было въ царицахъ, но вернулась въ первобытное состояніе

...И передъ нею разбитое корыто.

И когда теперь тов. Ленинъ горячо призываетъ своихъ вѣрныхъ на борьбу съ „жирондизмомъ“, когда онъ мобилизуетъ силы „пролетарской дисциплины“ противъ „хлюпкой“ интеллигенціи, — не рискуетъ ли онъ услышать коварный вопросъ: сколько же еще побѣдъ нужно Вамъ одержать, чтобы остаться вовсе безъ войска? Если ни формальное большинство голосовъ

съѣзда, если ни фактическая „воля партіи“, ни моральное превосходство (см. дрязги, карьеризмъ etc.) не могутъ спасти „передовые“ элементы отъ перспективы быть подавленными элементами „отсталыми“, то гдѣ же, вообще, залогъ побѣды, скажите намъ, о, тов. Ленинъ?

Пустопорожній характеръ ленинской концепціи нашего партійнаго развитія прямо поразителенъ. Ленинъ нынѣ неспособенъ даже самъ понять (не то что другимъ объяснить) историческое происхожденіе и историческое значеніе партійнаго кризиса; онъ неспособенъ *объяснить* своего политическаго противника. А, вѣдь, такое объясненіе — *первый долгъ* политика-марксиста, который желаетъ выразить „передовые элементы“ своей партіи и помочь имъ одержать побѣду надъ элементами отсталыми. Соціальдемократическій теоретикъ не можетъ двигать впередъ развитіе своей партіи, не можетъ побороть своего „внутренняго“ противника, не показавъ исторической *необходимости его появленія*, не раскрывъ тѣхъ *объективныхъ тенденцій* историческаго развитія, которыя его породили и которыя его же приведутъ къ гибели. Когда мы боролись съ русскимъ бернштеніанствомъ и съ русскимъ экономизмомъ, мы до тѣхъ поръ не имѣли подъ ногами твердой почвы, пока не дали такого *матеріалистическаго* объясненія и необходимости возникновенія и дальнѣйшей необходимости гибели того и другого общественнаго „зла“. Только давъ такой матеріалистическій, слѣдовательно, и историческій анализъ идейной борьбы внутри партіи, мы можемъ съ какимъ-нибудь правомъ фиксировать тотъ или другой наличный антагонизмъ въ такихъ идеологическихъ категоріяхъ, какъ „индивидуализмъ“ и „дисциплина“, „пролетарская“ и „мѣщанская“ идеологія. Только при наличности такого анализа, эти „абстрактныя“ категоріи получаютъ историческое содержаніе и могутъ что-нибудь, дѣйствительно, объяснять.

Но что такое представляетъ собой подобный матеріалистическій анализъ? Исходя изъ опредѣленныхъ основныхъ положеній о „сущности историческаго процесса“, марксистъ, приступая къ анализу идейной борьбы, получившей сколько-нибудь общественное значеніе, старается вскрыть въ ней рефлексъ объективно развивающейся *борьбы классовъ*. Жюль Гэдъ, возражая однажды Жоресу, сказалъ, что борьба классовъ, это — не „принципъ“, а реальный фактъ. Эти слова слѣдовало бы понять и хорошо запомнить многимъ нашимъ марксистамъ. Не „принципъ“, — т. е. не какое-нибудь отвлеченное начало, не голая логическая или психологическая категорія мыслится нами, когда мы говоримъ о „мелкобуржуазномъ“, „буржуазномъ“ или „пролетарскомъ“ теченіи въ общественной жизни. Являясь рефлексомъ объективнаго процесса общественнаго развитія, такая категорія должна имѣть „подъ собою“ реальный субстратъ *соціальной борьбы*, совершается ли послѣдняя въ сферѣ сознательной политической жизни, или же таится въ нѣдрахъ безсознательныхъ общественныхъ инстинктовъ и несознанныхъ интересовъ. Чтобы, поэтому, доказать „буржуазность“ какого-нибудь политическаго теченія, намъ надо найти тѣ реально проявляющіеся въ жизни

соціальные интересы, которые получили въ немъ свое выраженіе. Но найти ихъ — не значитъ произвольно отыскать „подходящую“ группу современнаго общества и связать ее съ данной идеологіей мостомъ чисто-логическихъ выводовъ изъ какого-нибудь общаго положенія, долженствующаго суммировать „сущность“ идеологической физіономіи данной группы (напримѣръ: интеллигентъ склоненъ къ индивидуализму, ergo, кто, когда, гдѣ и какъ бы то ни было, протестуетъ противъ подавленія личности, тѣмъ самымъ выражаетъ собой „интеллигентскій индивидуализмъ“; или: пролетарій склоненъ къ объединенію, дисциплинѣ, сплоченности, ergo, кто, гдѣ, когда и какъ бы то ни было, толкуетъ о дисциплинѣ, тѣмъ самымъ выражаетъ собою „пролетарскую струю“). Хотя бы, — какъ это и имѣется на лицо въ приведенныхъ мною примѣрахъ, — хотя бы основное общее положеніе было истинно, резюмируя соціально-психологическіе результаты опредѣленной классовой группировки въ современномъ обществѣ, — тѣмъ не менѣе, дедукціи, подобныя приведеннымъ выше, являются ничѣмъ не оправданными съ точки зрѣнія того діалектическаго метода, къ которому обязываетъ марксизмъ. По существу дѣла, мы имѣемъ передъ собою совершенно метафизическое сведеніе того или другого общественнаго теченія къ опредѣленному „началу“, къ абстрактной психологической категоріи, отвлеченной отъ реальнаго историческаго процесса. Дѣло, слѣдовательно, не въ томъ, чтобы „свести“, пугемъ цѣпи болѣе или менѣе дешевыхъ силлогизмовъ, ту или другую фразу „Аксельродовъ“, тотъ или другой политическій шагъ Мартовыхъ къ „основному первоисточнику“ „интеллигентской хлюпкости“. Дешевой цѣною на этомъ пути мы добьемся совершенно ничтожныхъ результатовъ, не выдерживающихъ самаго легкаго прикосновенія критики здраваго смысла. Въ самомъ дѣлѣ: повѣрьте на минуту Ленину, что нынѣшній „оппортюнизмъ“, впервые наглядно проявившійся въ „ошибкѣ по § 1“, есть результатъ „интеллигентскаго индивидуализма“. Подойдите съ этимъ „философскимъ“ багажемъ къ дѣйствительному ходу событій, и вы сразу очутитесь лицомъ къ лицу съ самыми невѣроятными несообразностями. „Ошибка по § 1“ — проявленіе интеллигентскаго индивидуализма; *поэтому*, ее раздѣлялъ Акимовъ, raison d'être существованія котораго — защита интересовъ „широкихъ *рабочихъ* организацій“ стараго „демократическаго“ типа; Акимовъ, который обвиняетъ партійную программу въ томъ, что въ ней пролетаріатъ „ни разу не упоминается въ именительномъ падежѣ“; *поэтому*, эту же ошибку раздѣляютъ и кавказскіе „твердые“ делегаты, которые говорятъ, что ленинскій § 1 вычеркнетъ изъ партіи сотни сознательныхъ кавказскихъ пролетаріевъ. Споръ изъ за § 1 велся противъ „интеллигентскаго индивидуализма“, желающаго провести въ партію всякихъ „профессоровъ“, *поэтому*, за § 1 стояли бундовцы, которымъ, видимо, для полнаго благополучія недостаетъ только профессоровъ[1]) въ своей организаціи. „Твердые“, отста-

[1]) За неимѣніемъ въ современной Россіи профессоровъ-евреевъ, бундовцамъ пришлось бы выписывать ихъ изъ за границы.

ивая ленинскую формулу противъ мартовской, выражали точку зрѣнія сознательнаго пролетаріата противъ точки зрѣнія революціонной интеллигенціи; *поэтому*, твердые считаютъ признакомъ худшей ереси критику того положенія Ленина, согласно которому соціализмъ входитъ въ рабочее движеніе „извнѣ“, изъ буржуазной интеллигенціи; *поэтому*, твердые уральцы отождествляютъ оппортюнизмъ съ „борьбой противъ интеллигенціи, *то есть*, революціонной соціальдемократіи“. И т. д., и т. д. Примирить эти противорѣчія никакъ нельзя съ той метафизической и чисто формалистической точки зрѣнія, которая подсказала Ленину его противопоставленіе. А, между тѣмъ, діалектика вовсе не означаетъ отрицанія здраваго смысла: столкновеніе ея положеній съ „очевидностями“ здраваго смысла находитъ такое разрѣшеніе, которое должно, въ концѣ концовъ, подчинить себѣ и логику здраваго смысла.

Иначе говоря: на обязанности Ленина лежало показать, какая именно эволюція нашей соціальдемократіи подготовляла и сдѣлала неизбѣжнымъ взрывъ конфликта между двумя историческими стихіями, между демократіей и пролетаріатомъ. Если бы онъ могъ показать это, онъ долженъ былъ бы въ самомъ предыдущемъ „благополучіи“ той искровской „побѣды“, которую суждено было закрѣпить II съѣзду, отыскать элементы будущаго „зла“, съ которымъ онъ теперь борется; онъ долженъ былъ бы показать намъ, какъ борьба революціонной соціальдемократіи съ „экономизмомъ“, совершавшаяся въ опредѣленной общественной обстановкѣ, сопровождалась проникновеніемъ въ *революціонное* крыло партіи элементовъ демократіи и, тѣмъ самымъ, разрѣшая завѣщанный прошлымъ конфликтъ, насаждала сѣмена новаго; какъ и почему, по мѣрѣ „очищенія“ соціальдемократической партіи отъ элементовъ профессіоналистскаго „чисто-рабочаго“ оппортюнизма, въ нее вводились элементы оппортюнизма, выражающаго *болѣе непосредственно* интересы радикальной буржуазной интеллигенціи, давно уже тѣсно связанной у насъ съ пролетарской борьбой. Только показавъ намъ это, тов. Ленинъ имѣлъ бы *критерій* для распредѣленія нынѣшнихъ антагонистическихъ силъ между „отсталыми“ и „передовыми“ элементами, для отнесенія того или другого теченія въ тактикѣ и организаціи къ проявленію „интеллигентскаго индивидуализма“ и „пролетарской дисциплины“ или къ проявленію интересовъ буржуазной демократіи, съ одной, пролетаріата, съ другой стороны. Но тов. Ленинъ *не можетъ* дать *такого* анализа. Не можетъ потому, что та критика, которой требуетъ этотъ анализъ, для него должна быть самой безпощадной *само*критикой: ибо Ленинъ является представителемъ *консервативной* тенденціи въ нашей партіи, боящейся всякаго критическаго отношенія къ „искровскому наслѣдству“. Поэтому, онъ такъ недоволенъ указаніями Плеханова и другихъ на тѣ односторонности, которыя характеризуютъ періодъ побѣды надъ „экономизмомъ“; поэтому, онъ такъ грубо отворачивается отъ дѣйствительно марксистскаго анализа, который далъ партійному нашему развитію П. Б. Аксельродъ. А между тѣмъ, именно этотъ анализъ, данный Аксельродомъ, предлагаетъ *марксистское объясненіе необходимости, переживи-*

ваемаго кризиса, а тѣмъ самымъ, и возможности его благотворнаго разрѣшенія. И потому, что Аксельродъ въ своемъ анализѣ держался діалектическаго метода и матеріалистическаго пониманія исторіи, самыя отрицательныя стороны нынѣшняго положенія дѣлъ, и бичуемыя имъ, не даютъ намъ повода отчаиваться въ судьбахъ нашей партіи, которую несетъ на себѣ и вынесетъ, въ концѣ концовъ, волна историческаго движенія пролетаріата; тогда какъ ленинскій „анализъ", наводить на самыя безотрадныя заключенія о поступательномъ ходѣ развитія нашей партіи. Проникнитесь, въ самомъ дѣлѣ, Ленинскимъ пониманіемъ исторіи нынѣшняго кризиса: началось съ того, что значительное „компактное большинство" шло по вѣрному пути, затѣмъ девять „вѣрныхъ" совершили „ошибку по первому пункту" (причемъ, однако, тов. Ленинъ (см. стр. 111, прим.) въ этотъ самый моментъ восклицалъ: „какая прекрасная вещь нашъ съѣздъ!"), далѣе, 24 оставшихся вѣрными „связали разбитую посудину двойнымъ узломъ", и все кончилось тѣмъ, что „отсталые элементы взяли верхъ". Проникнитесь такимъ пониманіемъ, и вамъ останется пессимистически воскликнуть вмѣстѣ съ Шекспиромъ:

Прекрасное погибло въ пышномъ цвѣтѣ —
Таковъ удѣлъ прекраснаго на свѣтѣ!

Діалектика совершенно чужда Ленину и онъ имѣетъ о ней самое смутное представленіе. На стр. 164 читаемъ: „но великую гегелевскую діалектику... никогда не слѣдуетъ смѣшивать съ вульгарнымъ пріемомъ оправданія зигзаговъ политическихъ дѣятелей, переметывающихся съ революціоннаго на оппортюнистическое крыло партіи, съ вульгарной манерой смѣшивать въ кучу отдѣльныя заявленія, отдѣльные моменты развитія разныхъ стадій единаго процесса". Четыре правила ариѳметики не слѣдуетъ смѣшивать съ оправданіемъ писанія фальшивыхъ счетовъ! — вотъ что, приблизительно, въ переводѣ на житейскій языкъ, сказалъ тов. Ленинъ въ этой фразѣ, которая достойна занять мѣсто рядомъ съ знаменитымъ изреченіемъ его уральскихъ учениковъ о свободѣ воли, находящей наилучшее выраженіе въ § устава, дающемъ Ц. К. право „раскассировать" пролетаріатъ! Діалектическій методъ мышленія, тов. Ленинъ, не слѣдуетъ (на что люди бываютъ очень падки) смѣшивать съ *казуистическимъ* „методомъ" разсужденія. Положеніе о томъ, что абсолютной истины нѣтъ, не надо сводить къ воистину-вульгарной мысли Балалайкина: „истина есть результатъ судоговоренія", что цѣль полемики, слѣдовательно, „переговорить" противника. Но „смѣшивать діалектику" съ „вульгарной манерой смѣшивать въ кучу отдѣльные моменты развитія разныхъ стадій единаго процесса"—премію тому, кто пойметъ смыслъ этой до нельзя неуклюжей фразы! Еще лучше сопоставленіе „великой гегелевской діалектики" съ „оправданіемъ зигзаговъ" оппортюнистовъ. „Хозяйственный" человѣкъ т. Ленинъ и его „теоретическая" мысль не можетъ пойти дальше опасности примѣненія такихъ большихъ вещей, какъ гегелевская діалектика, къ „требованію о кооптаціи". И онъ проситъ — не смѣшивать діалектику съ оправданіемъ „зигзаговъ"

„Аксельродовъ“. Тов. Ленинъ знаетъ хорошо своихъ твердыхъ „почитателей“ и, видимо, очень боится, чтобы они, и вправду, не „смѣшали“ діалектики съ критикой своего начальства и не стали брыкаться противъ діалектики, яко вводящей въ соблазнъ. А тов. Ленинъ хорошо помнитъ, что въ „ортодоксальномъ“ хозяйствѣ безъ діалектики неловко.

„Истинная діалектика не оправдываетъ личныя ошибки, а изучаетъ неизбѣжные повороты, доказывая ихъ неизбѣжность на основаніи детальнѣйшаго изученія развитія во всей его конкретности“. Но тов. Ленинъ именно неизбѣжности нынѣшняго поворота намъ не показалъ. Пытаясь на послѣднихъ трехъ страницахъ своей книги показать намъ „итогъ діалектическаго (!) развитія нашей партійной борьбы“, тов. Ленинъ терпитъ позорное фіаско. Этотъ итогъ онъ сводитъ „къ двумъ переворотамъ“. Первый заключается въ томъ, что второй съѣздъ „смелъ всѣ и всяческіе остатки всѣхъ безъ исключенія кружковщинскихъ (sic) интересовъ, чувствъ и традицій, создавъ впервые дѣйствительно партійныя должностныя коллегіи“ (стр. 165). Но „умерщвленныя организаціи“ „обидѣлись“ и „взяли реваншъ“. „Разбитое на голову оппортюнистическое крыло одержало — временно, конечно, —верхъ надъ революціоннымъ, завладѣло „Искрой“ и ... „Какой позоръ, какъ они осрамили нашу „Искру“!

Вотъ вамъ и вся „діалектика“ нашихъ партійныхъ „переворотовъ“! При ближайшемъ разсмотрѣніи, они оказываются *переворотами въ редакціи „Искры“*. *Тезисъ*: господство кружковщины — „расплывчатая шестерка“. *Антитезисъ*: кружковщина сметена — „партійная должностная коллегія“. *Синтезисъ*: кружковщина обидѣлась — та же расплывчатая старая „Искра“, но обогащенная, (по мнѣнію Ленина, оппортюнистически-обогащенная) всѣмъ положительнымъ содержаніемъ обиды за умерщвленіе организаціи. Еслибы „кружковщину“ не только убили, но и догадались бы получше зарыть, все было бы въ порядкѣ — такова очевидная мораль. Не начать ли съ начала? вѣроятный выводъ нашего „діалектика“.

Незамѣтно для себя, тов. Ленинъ подмѣнилъ „діалектическое развитіе партіи“ *прозаической* исторіей „развитія“ состава редакціи „Искры“. Забылъ тов. Ленинъ, что, если не слѣдъ трогать Гегеля для „оправданія“ индивидуальныхъ „зигзаговъ“, то едва ли умѣстно тревожить старика и для того, чтобы въ „философскихъ“ терминахъ снова разсказать о томъ, какъ хорошо было, когда тов. Ленинъ добился „очищенія“ старой редакціонной коллегіи, и какъ стало скверно, когда самому пришлось удалиться.

Читатель, конечно, не забылъ, что основа нашего кризиса — борьба интеллигенціи противъ пролетаріата. Онъ помнитъ, что исходный его пунктъ — „ошибка по § 1“. Теперь умѣстно будетъ спросить тов. Ленина: въ какой причинной связи стоитъ указанный имъ „итогъ партійной борьбы“ къ этой основѣ кризиса и къ послѣдствіямъ принятія § 1? И тутъ-то мы узнаемъ, что никакой реальной, то есть жизненной, связи между „итогами“ и посылками нѣтъ. Интеллигенція навязала пролетарской партіи § 1 устава, весь вредъ котораго въ томъ, что онъ даетъ возможность всякимъ „проходимцамъ“ „самозачислять себя въ

партію", всякимъ „профессорамъ" быть въ партіи, ускользая изъ подъ ея контроля, а у рабочихъ отнимаетъ стимулъ къ организаціи. Казалось бы, если вѣрно, что въ итогѣ „отсталые элементы", т. е. выразители этой самой интеллигенціи, эскамотировали всѣ побѣды нашего фельдмаршала, то намъ покажутъ, какъ въ открытую § 1-мъ „щель", дѣйствительно, проникъ оппортунизмъ въ видѣ новаго наплыва въ партію буржуазной интеллигенціи, какъ проявилось среди рабочихъ ослабленіе импульса къ организаціи. Увы! никто и не пытался намъ даже показать это. Никакихъ намековъ на то, чтобы опасность, ожидавшаяся въ результатѣ вота съѣзда по § 1 устава, (допуская даже, что она есть), сколько нибудь оправдалась за почти годичный срокъ, протекшій со времени съѣзда. Очевидно, самая опасность можетъ (по мнѣнію противниковъ § 1) наступить только въ будущемъ. А, между тѣмъ, „отсталые элементы" уже взяли верхъ! Далѣе. Если единственную свою побѣду — по § 1 — интеллигенція еще не съумѣла использовать противъ пролетаріата, то надо ожидать, что, по крайней мѣрѣ, окончательная побѣда „отсталыхъ элементовъ" была достигнута хотя бы путемъ систематическаго развращенія пролетаріата пропагандой апостоловъ „интеллигентскаго индивидуализма". Но и этого нѣтъ: Панинъ не успѣлъ еще высказать сомнѣнія въ „божественности" съѣзда, Аксельродъ — въ спасительности ленинскаго „централистическаго фетишизма" и, вообще, никто изъ меньшинства еще не успѣлъ ничего сказать, а „отсталые элементы" уже взяли верхъ—получили „Искру". Никакой связи этой побѣды съ *ростомъ вліянія интеллигенціи* въ нашей партіи и съ результатами неправильной постановки партійной организаціи (§ 1) — т. Ленинъ не могъ показать.

Я сказалъ, что діалектическій методъ мышленія не слѣдуетъ смѣшивать съ казуистическимъ (формалистическимъ) методомъ спора. Можно сказать, что послѣдній встрѣчается именно у тѣхъ, кто чуждъ перваго. Сущность его заключается въ томъ, что логическія построенія, оторванныя отъ того реальнаго содержанія, которое они должны выражать, разсматриваются совершенно отвлеченно съ чисто формальной стороны и опровергаются чисто формальными же дедукціями. Съ извѣстнымъ правомъ эту манеру спора можно назвать адвокатской въ худшемъ смыслѣ этого слова. Метафизическая, со стороны метода мышленія, она всегда недобросовѣстна, съ точки зрѣнія исканія истины. Для нея „истина есть результатъ судоговоренія".

Именно съ этой манерой мы имѣемъ дѣло во всей книгѣ т. Ленина.

„Меньшинство" утверждаетъ, что борется противъ „бюрократизма" въ организаціи, а бюрократизмъ, вообще, имъ опредѣляется (резолюція Лиги) такъ: „онъ ставитъ на первый планъ не внутреннее объединеніе, а внѣшнее формальное единство, осуществляемое и сохраняемое чисто механическими средствами, путемъ систематическаго подавленія индивидуальной иниціативы и общественной самодѣятельности". Въ этихъ словахъ дается достаточно полное опредѣленіе того специфическаго зла, съ проявленіемъ котораго *во всякомъ организованномъ цѣломъ* должна бороться соціальдемократія. И резолюція Аксельрода говоритъ

далѣе: „по самой сущности своей, бюрократизмъ не способенъ органически объединить составные элементы общества". Что возражаетъ на это Ленинъ? Всѣ его „доводы" очень для него характерны.

Во первыхъ, Аксельродъ противопоставляетъ бюрократію „обществу", управляющихъ—управляемымъ. Тов. Ленинъ хорошо знаетъ, что управляющіе и управляемые имѣются въ каждомъ организованномъ цѣломъ. Безъ большого напряженія мысли, тов. Ленинъ можетъ сообразить, что методы управленія, „систематически подавляющіе иниціативу и самодѣятельность" управляемыхъ и поддерживающіе единство цѣлаго „чисто механическими средствами" —ведутъ къ тому, что управляющіе вырождаются въ бюрократію, противостоящую „обществу". Станетъ ли тов. Ленинъ отрицать, что такое бюрократическое вырожденіе постигаетъ порой и такія общественныя организаціи, которыя ничего общаго, по своимъ задачамъ, не имѣютъ съ полицейскимъ и классовымъ государствомъ? Не помнитъ ли онъ статьи одного легальнаго марксиста объ Южаковской „просвѣтительной утопіи", обличавшейся въ бюрократическомъ характерѣ? Не помнитъ ли онъ о народническихъ проектахъ „организаціи труда" нашихъ кустарей, обличавшихся тѣмъ же марксистомъ въ бюрократизмѣ? Не станетъ ли тов. Ленинъ отрицать, что этотъ бюрократизмъ цѣликомъ покрывается опредѣленіемъ, даннымъ въ резолюціи Аксельрода? И не попробуетъ ли тов. Ленинъ доказать намъ, что основанная на началахъ добровольнаго союза политическая партія застрахована въ своей организаціи отъ бюрократическаго вырожденія отношеній управляющихъ къ управляемымъ?

Обо всемъ этомъ въ своемъ возраженіи не думаетъ тов. Ленинъ. Онъ знаетъ только одно — что слово „общество" часто и съ полнымъ правомъ противополагается пролетаріату. И онъ изрекаетъ: „О какомъ это „обществѣ" говоритъ здѣсь тов. Аксельродъ съ К°, одинъ Аллахъ вѣдаетъ. Тов. Аксельродъ, видимо, и самъ хорошенько не знаетъ, пишетъ ли онъ земскій адресъ о желательныхъ реформахъ въ управленіи, или изливаетъ жалобы меньшинства?" „Галерка", на невѣжество которой спекулируетъ авторъ, начинаетъ хихикать и негодовать противъ оппортюниста Аксельрода, измѣняющаго пролетаріату и заботящагося объ „обществѣ". Истина есть результатъ судоговоренія, не правда ли, о, несравненный тов. Ленинъ?

И это весь отвѣтъ Ленина „по существу" резолюціи. Немедленно за приведенными постыдными строками, онъ, переходя отъ „бюрократизма" — къ „самодержавію", спрашиваетъ: „что можетъ *означать* самодержавіе въ партіи, о чемъ кричатъ недовольные „редакторы"? — и отвѣчаетъ: „самодержавіе есть верховная, безконтрольная, безотвѣтственная, *невыборная* (курс. мой) власть одного лица" и такъ какъ въ „самодержавіи" подозрѣвается онъ, Ленинъ, то ставится вопросъ: значитъ, Плехановъ и всѣ члены Ц. К. были „пѣшками"? Галерка громко хохочетъ, и тов. Ленинъ восклицаетъ: „неужели это „принципіальное разногласіе" почтеннѣйшаго тов. Аксельрода?"

Но уральскіе товарищи — прямодушные и не любящіе экивоковъ,— не раздѣляютъ веселаго настроенія галерки. Они помнятъ хорошо, что самодержавіе не непремѣнно должно быть невыборнымъ, ибо сами еще недавно рекомендовали выборную *диктатуру* надъ партіей. Отчего Ленинъ ни словомъ не оговариваетъ своего несогласія съ уральцами, которые, излагая свои мнѣнія, считали себя солидарными съ нимъ? *Онъ не смѣетъ, ибо уральцы—его гвардія*, наиболѣе рьяные сторонники его, „системы". И эта гвардія знаетъ хорошо, что самодержавіе, о которомъ она мечтаетъ, будучи „выборнымъ", въ то же время „безконтрольно", безотвѣтственно", ибо контроль и отвѣтственность только тогда дѣйствительны, когда контролирующіе въ извѣстныхъ предѣлахъ независимы отъ контролируемаго. Когда же, *какъ хочетъ не скрывающій этого Ленинъ*, контролирующіе (комитеты) назначаются, перетасовываются и „раскассировываются" Ц. К., то контроль превращается въ *фикцію*, мы имѣемъ бонапартистское самодержавіе со всѣми его признаками. Отвѣтилъ ли Ленинъ на эти, уже давно сдѣланныя ему возраженія? Нѣтъ — онъ ихъ обошелъ, предпочитая „убить" противника ехиднымъ вопросомъ: если я самодержецъ, значитъ, всѣ прочіе — пѣшки? Тов. Ленинъ забылъ, что самодержавны могутъ быть не отдѣльныя лица, а цѣлыя коллегіи.

Но тов. Ленинъ еще не кончилъ съ „бюрократизмомъ". Твердо рѣшившись тѣшить галерку, онъ (стр. 125) изрекаетъ: „Толкуютъ о бюрократизмѣ. Бюрократизмъ можно перевести на русскій языкъ словомъ: „мѣстничество". Бюрократизмъ означаетъ подчиненіе интересовъ *дѣла* интересамъ *карьеры*, обращеніе сугубаго вниманія на мѣстечки и игнорированіе работы, свалку за *кооптацію* вмѣсто борьбы за *идеи*. Такой бюрократизмъ безусловно нежелателенъ и вреденъ для партіи и я спокойно предоставляю читателю судить, которая изъ двухъ борющихся теперь въ нашей партіи сторонъ повинна въ такомъ бюрократизмѣ". Хохочетъ, заливается галерка, горятъ пламенемъ морального негодованія противъ „карьеристовъ" Засуличъ и Аксельрода всѣ Павловичи и Гусевы. Истина есть результатъ судоговоренія!

Бюрократизмъ=мѣстничество; мѣстничество=карьеризмъ; карьеризмъ=свалка за кооптацію. Вотъ три уравненія, которыя дѣлаютъ честь познаніямъ, діалектической ловкости и уму нашего „вождя"! Въ Россіи господствуетъ бюрократизмъ, потому что чиновники-карьеристы и заботятся о своихъ мѣстечкахъ, а не объ интересахъ „дѣла". Не поручитъ ли Ц. К. своему представителю написать популярную брошюру на эту тему? Если-бы чиновники заботились объ „интересахъ дѣла", не было бы и бюрократизма. Истина № 1. Борьба за карьеру=мѣстничество, и родовитый бояринъ, который шелъ на плаху за то, чтобы не сѣсть ниже царскаго фаворита, дѣлалъ свою „карьеру": истина № 2. Мѣстничество=бюрократизму. Русскіе самодержцы, уничтоживъ послѣ долгой борьбы мѣстничество, то есть, *родовыя привиллегіи, препятствовавшія введенію бюрократической іерархіи*, русскіе самодержцы, тѣмъ самымъ, уничтожили бюрократизмъ: истина № 3. Я знаю, что товарищъ Ленинъ нынѣ отдался „практикѣ", и что это знаніе, по исконнимъ русскимъ

возарѣпіямъ, требуетъ нѣкоторой „свѣжести“ и свободы отъ излишнихъ познаній; но мнѣ всетаки кажется, что злоупотреблять правомъ „практика“ не слѣдуетъ.

Такъ обстоитъ дѣло съ бюрократизмомъ. Не лучше — съ бонапартизмомъ. „Я нахожу, что тов. Мартовъ выдвинулъ эту категорію весьма кстати. Давайте, посмотримъ хладнокровно (!), что означаетъ это понятіе. По моему, оно означаетъ пріобрѣтеніе власти путемъ *формально* законнымъ, но, *по существу дѣла*, вопреки волѣ народа (или партіи). Не такъ ли, товарищъ Мартовъ? А если такъ, то я предоставляю публикѣ судить, съ чьей стороны былъ этотъ „бонапартизмъ худшаго сорта“ и т. д. (стр. 135). Истина есть результатъ судоговоренія!

Замѣщеніе тверскихъ выборныхъ управцевъ назначенными (формально-законно, но вопреки волѣ „народа“) отъ министерства лицами есть „бонапартизмъ“; Людовикъ Наполеонъ, какъ и Наполеонъ I, пріобрѣли власть „формально законно“; Бодэнъ, павшій на баррикадѣ второго декабря, хотя и выражалъ въ своемъ протестѣ „волю народа“, но дѣйствовалъ формально незаконно; слово „coups d'état“ не должно примѣняться къ 18 брюмера и 2 декабря. Вотъ сколько истинъ узнали мы отъ нашего мастера адвокатскихъ дѣлъ!

Суть вопроса Ленинъ извращаетъ, конечно, намѣренно: бонапартизмъ — исторически и принципіально—есть личная диктатура, освящаемая post factum, послѣ завоеванія власти, „волей народа“, при томъ условіи, что субъектъ этой воли подлежитъ — въ промежутокъ между актами ея проявленія — всѣмъ операціямъ „лишенія правъ“, „раскассированія“ и упразднія со стороны диктатора (см. объ этомъ въ уральскомъ документѣ), благодаря чему устанавливается — до первой революціи — долженая гармонія между Бонапартомъ и „народной волей“.

Если тов. Ленинъ хорошо знакомъ съ реакціонными категоріями бюрократизма, бонапартизма и мѣстничества, то не менѣе того онъ обнаруживаетъ пониманія категорій революціонныхъ. Аксельродъ говоритъ, что опредѣленное одностороннее развитіе партійной нашей практики должно привести къ установленію такого отношенія между партіей и руководимыми ею массами, которое характеризовало собою *якобинизмъ*, принципіально чуждый соціальдемократіи. Ленинъ (стр. 139) отвѣчаетъ: ...„ссылка Аксельрода на „якобинцевъ“ еще болѣе поучительна. Тов. Аксельроду не безызвѣстно, вѣроятно, что дѣленіе современной соціальдемократіи на революціонную и оппортюнистическую давно уже, и не въ одной только Россіи, подало поводъ къ „историческимъ аналогіямъ эпохи великой французской революціи“. Тов. Аксельроду не безызвѣстно, вѣроятно, что *жирондисты современной соціальдемократіи* вездѣ и всегда прибѣгаютъ къ терминамъ „якобинство“, „бланкизмъ“ и т. п. для характеристики своихъ противниковъ.“ И тов. Ленинъ показываетъ, что на второмъ съѣздѣ партіи въ рѣчахъ тт. Акимова, Либера, Егорова и др. проскальзывали эти нотки *жирондистскаго* протеста противъ революціоннаго „якобинизма“ ортодоксовъ. А *такъ какъ* тов. Егоровъ по § 1 голосовалъ *съ* Ленинымъ, а Либеръ и Акимовъ — съ Аксельродомъ, то не ясно ли, что „берн-

штейніанская мелодія о якобинствѣ" нужна Аксельроду, „чтобы заглушить свои собственныя рѣчи на партійномъ съѣздѣ, дышащія заботой о радикальной интеллигенціи"? Читатель помнитъ, что эта мелодія нужна Аксельроду, сверхъ того, „въ интересахъ карьеры".

Все это іудушкино пустословіе весьма характерно и для метода мышленія, и для манеры спора. Услыхавъ слово „якобинцы", нашъ упроститель вспоминаетъ, что послѣднимъ противостояли жирондисты, что это противопоставленіе (cum grano salis) переносилось въ споръ лѣваго и праваго крыла соціальдемократіи. Готово! т. Ленинъ имѣетъ передъ собой тощую „идею", оперируя съ которой, онъ „докажетъ" все, что нужно, — вплоть до „карьеризма" товарищей А, В, С и т. д. Что якобинизмъ въ исторіи противостоялъ не одному только жирондизму, что въ самой великой революціи *слѣва* отъ якобинцевъ стояли эбертисты парижской коммуны, что въ бабувистскомъ движеніи вскрывался уже антагонизмъ между якобинцами и *коммунистами*; что этотъ антагонизмъ, развиваясь далѣе, проявился и въ тайныхъ обществахъ 40 ыхъ гг. и клубахъ 48-го, что онъ перенесенъ былъ въ интернаціоналъ и коммуну 71 года и что нынѣшніе „якобинцы соціальдемократіи" — ортодоксальные марксисты, — прежде чѣмъ столкнуться съ новыми „жирондистами", *прошли черезъ фазисъ борьбы съ антимарксистскими эпигонами стараго якобинизма*, — столь „пространнаго" знанія не можетъ вмѣстить нынче нашъ самый знаменитый изъ совѣтниковъ Ивановыхъ. Если два теченія въ пролетарской партіи могутъ быть безъ особой натяжки уподоблены двумъ теченіямъ буржуазной демократіи 18 вѣка, то дѣлать отсюда выводъ, что, вообще, марксизмъ есть *современный якобинизмъ*, значитъ обнаруживать самую прискорбную путаницу понятій и отсутствіе всякаго пониманія какъ сущности якобинизма, такъ и сущности соціальдемократіи.

Только при наличности такой путаницы, можно „ляпнуть" (стр. 100): „Якобинецъ, неразрывно связанный съ организаціей пролетаріата, сознавшаго свои классовые интересы, это и есть революціонный соціальдемократъ". Увы! тов. Ленинъ: якобинецъ, установившій неразрывную связь съ пролетаріатомъ, есть просто буржуазный демократъ, подчинившій себѣ идейно и политически пролетаріатъ, а „неразрывная связь" между „якобинцемъ" — исторически-конкретной политической фигурой — и сознательнымъ пролетаріатомъ — есть nonsens, *выдающій все убожество политическаго мышленія нашего автора*. Это почти то же, что сказать: христіанскій идеалъ, неразрывно связанный съ историческими задачами классовой борьбы пролетаріата, это и есть революціонный соціализмъ.

Любопытныя разсужденія Ленина о „заговорщической опасности" мы разсмотримъ ниже, а здѣсь только еще разъ отмѣтимъ, какъ дурные пріемы мышленія ведутъ неизбѣжно къ адвокатскимъ, въ специфическомъ смыслѣ, пріемамъ спора и къ фривольному обращенію съ истиной.

„Жирондистъ" Акимовъ противъ диктатуры пролетаріата, „якобинцы" ортодоксіи за нее. Акимовъ неправильно утверждалъ, что эта диктатура въ нашей программѣ (писанной *не*

Ленинымъ) понимается „народовольчески“, какъ диктатура *партіи*, а не класса.[1]) Съ тѣхъ поръ, какъ Акимовъ жирондистскій говорилъ это, появились Акимовы „якобинскіе“. — сирѣчь, уральскіе, и, не шутя, заговорили о диктатурѣ диктатора надъ партіей, а партіи надъ рабочимъ классомъ. „Аксельроды“ указываютъ на новое, реакціонное извращеніе марксизма и отстаиваютъ *диктатуру* класса противъ диктатуры *надъ классомъ*. Правдолюбивый Ленинъ кричитъ: „Аксельродъ оказался въ компаніи жирондистовъ“.

Довольно! Кого Юпитеръ хочетъ погубить, того лишаетъ онъ разума. Представитель пережитой стадіи нашего партійнаго развитія, упрямо стремящійся задержать партію на томъ пунктѣ перелома въ этомъ развитіи, когда онъ самъ былъ „вознесенъ“ высоко надъ всей партіей, — тов. Ленинъ закрылъ себѣ глаза на все окрестъ происходящее, и все вниманіе его поглощено тѣми карточными постройками, которыя онъ возвелъ въ лѣто 1903-ье на второмъ съѣздѣ и которыми онъ теперь такъ дѣтски любуется, излагая ихъ въ четвертый разъ на новый ладъ и переходя уже къ графическому методу изображенія этого „чуднаго“ момента его политической карьеры. Поглощенный этимъ занятіемъ, онъ постепенно, незамѣтно освобождается отъ всѣхъ узъ, которыя наложила на него усвоенная имъ марксистская „культура“, и въ своей *практической* позиціи все больше приближается къ той свободѣ отъ „теоріи“, которая уже такъ выгодно отличаетъ нѣкоторыхъ изъ его смѣлыхъ учениковъ. Сегодня онъ уже третируетъ всемірную исторію, словно дѣвицу легкаго поведенія и запанибрата хлопаетъ по плечу „великую гегелеву діалектику“, завтра онъ — для ради посрамленія „карьеристовъ“ — дастъ хорошаго „раза“ оппортюнистамъ — Каутскимъ и Парвусамъ. Можно себѣ представить, куда заведетъ по этому пути нашего воина его неукротимый нравъ! Въ концѣ концовъ, пелена начнетъ спадать и съ глазъ пока еще „нѣмѣющихъ“ въ своемъ восхищеніи „твердыхъ“ — и кому же, о уральскіе и иные „почитатели“, кому же изъ васъ, товарищи, судьба сулитъ ту роль, которую въ извѣстной милой сказкѣ сыгралъ самый догадливый изъ придворной среды, окружавшей нѣкоего короля, ходившаго въ весьма причудливомъ костюмѣ? Кто первый освободится отъ *вѣры въ собственную ограниченность* и, взглянувъ на „короля“, рѣшится сказать во всеуслышаніе то, что ему подскажетъ очевидность: да, вѣдь, и костюма-то никакого нѣтъ, а просто совсѣмъ голымъ нашъ король ходитъ!

---

[1]) Отвѣтъ на этотъ упрекъ см. въ рѣчи Троцкаго. Протоколы, стр. 132.

II. Пролетаріи и интеллигенты въ русской соціальдемократіи.

Организація, которая на второмъ съѣздѣ составила себѣ уставъ, въ опредѣленномъ смыслѣ толкуемый „большинствомъ", есть, на европейскій масштабъ, всего только организація *руководителей* пролетарской борьбы, а не организація борющихся пролетаріевъ. Рабочей партіей наша партія пока еще является только идейно, а не по преимущественному составу ея организацій (комитетовъ), въ числѣ членовъ которыхъ процентъ рабочихъ весьма незначителенъ. Съ самаго своего зарожденія, эти организаціи принимали различныя мѣры, направленныя къ тому, чтобы измѣнить отношеніе между пролетарскими и интеллигентскими элементами въ болѣе благопріятную для первыхъ сторону. Но до сихъ поръ имъ это не удавалось и не удавалось потому, что процессъ классового развитія русскаго пролетаріата, выдѣляющій изъ него новые и новые пригодные для введенія въ партію элементы, постоянно опережался процессомъ революціонизированія демократической интеллигенціи, выдѣлявшимъ изъ нея новыхъ рекрутовъ соціальдемократіи. Со времени „экономизма" характеръ нашей партійной организаціи, со стороны ея личнаго состава, сталъ — относительно — болѣе „интеллигентскимъ", хотя вліяніе ея на массу усилилось. И особенно рѣзко этотъ преимущественно интеллигентскій характеръ сталъ вырисовываться въ „искровскую" эпоху, когда въ борьбѣ за революціонно-пролетарскіе *принципы* движенія и соотвѣтствующія имъ формы организаціи этого движенія, мы вступили въ столкновеніе съ естественно-выросшими „чисто-рабочими" организаціями, противостоявшими нашимъ комитетамъ и ставшими тормазомъ для развитія движенія въ направленіи революціонной классовой борьбы. Отсталые, сравнительно съ Комитетами, по своимъ организаціоннымъ методамъ и по содержанію своей работы, эти „широкія рабочія организаціи" должны были уступить Комитетамъ и — сойти со сцены[1]). *По мысли* большинства тогдашнихъ „искровцевъ", это устранененіе „широкихъ рабочихъ организацій" отнюдь не означало усиленія преимущественно-интеллигентскаго характера партійной организаціи, и только когда этотъ результатъ былъ „стихійно" достигнутъ, нашлись, какъ всегда, по ленинской несуразной терминологіи, „хвостисты", которые санкціонировали этотъ отрицательный результатъ и со всѣмъ жаромъ наивнаго недомыслія стали чуть ли не гордиться тѣмъ, что въ ор-

[1]) Попытка — въ противовѣсъ объединенію Комитетовъ — создать с ъединеніе этихъ организацій въ „дѣйствительно-рабочую" партію, дѣлавшаяся около времени второго съѣзда, должна была потерпѣть фіаско, въ силу политической отсталости ея иниціаторовъ.

ганизаціяхъ пролетарской партіи пролетаріи фигурируютъ въ роли гага avis, рѣдкой птицы. Напротивъ, въ періодъ борьбы съ „демократическими“ организаціями предполагалось, что распущеніе этихъ послѣднихъ сниметъ всѣ искусственныя перегородки между „интеллигентскими“ комитетами и безотвѣтственными агитаторскими и пропагандистскими кружками рабочихъ и, тѣмъ самымъ, позволитъ первымъ построить „сверху внизъ“ такую прочную и достаточно широкую организацію, въ которой найдутъ свое мѣсто всѣ сознательные и революціонные элементы пролетаріата и въ которой автоматически будетъ совершаться „снизу вверхъ“ процессъ „завоеванія“ пролетаріями того положенія въ партіи, которое опредѣляется ея пролетарской программой. Предполагалось, однимъ словомъ, что реформированная мѣстная организація будетъ *политически воспитывать* охваченные ею пролетарскіе элементы и вырабатывать изъ нихъ „будущихъ Бебелей и Ауэровъ“, которые постепенно и овладѣютъ нашими Комитетами. Въ „Что дѣлать?“, какъ и въ „Письмѣ къ товарищу“, тов. Ленинъ указываетъ на такія именно перспективы.

Вотъ эта именно организація *руководителей* движенія, только-что разрушившая стихійно-выросшія „широкія рабочія организаціи“ и только еще собиравшаяся возмѣстить ихъ систематическимъ „отборомъ“ передовыхъ пролетарскихъ элементовъ, вотъ эта-то именно организація и создала тѣ нормы, которыя были формулированы въ уставѣ, принятомъ вторымъ съѣздомъ, и которыя защищаются нынѣшнимъ „большинствомъ“. Эта организація руководителей движенія, какъ нельзя менѣе, похожа на организацію пролетаріата, ибо послѣдній не составляетъ ея ядра, а цѣликомъ находится *внѣ* ея. Если изъ нашего устава вычесть такъ рѣзко дисгармонирующій съ нимъ § 1, то получится уставъ организаціи руководителей рабочаго движенія, состоящій изъ Ц. О. + Ц. К. + Комитеты и Союзы. Но Комитеты и Союзы не суть простыя составныя части организаціи пролетаріата, выполняющія лишь опредѣленныя функціи руководства. Комитеты и Союзы суть составившіяся, путемъ добровольнаго соединенія единомыслящихъ, коллективности „профессіональныхъ революціонеровъ“, берущія на себя иниціативу *внести порядокъ* въ хаосъ мѣстнаго движенія и объединять дѣятельность многочисленныхъ кружковъ, группъ и единицъ, выдѣляемыхъ этимъ движеніемъ. Такъ возникли наши комитеты и такую роль играли они ко времени съѣзда. Организаціонной задачей послѣдняго было регулировать взаимоотношенія между отдѣльными комитетами и равносильными имъ организаціями для того, чтобы внести планомѣрность и единство въ систему воздѣйствія ихъ на рабочее движеніе и на всю массу, болѣе или менѣе оформленныхъ кружковъ и группъ, разсѣянныхъ въ немъ. Если мы имѣли основаніе назвать совокупность нормъ, опредѣляющихъ эти взаимоотношенія, уставомъ *Партіи*, — то лишь потому, что предпосылкой нашего строительства являлся завоеванный предыдущей нашей работой значительный авторитетъ Комитетовъ въ глазахъ всей массы русскихъ соціальдемократовъ и сознательныхъ рабочихъ. Но эта то предпосылка, скажу мимоходомъ, требовала

отъ насъ величайшей осторожности въ дѣлѣ регулированія нашихъ собственныхъ отношеній внутри того цѣлаго, которое я называю — въ отличіе отъ партіи — *партійной организаціей* или, если хотите, организаціей *руководителей*: всякое *ненужное* раскалываніе этой организаціи, неоправдываемое существенными непримиримыми разногласіями, означало бы необходимо и неизбѣжно апелляцію отъ нея *къ Партіи въ цѣломъ* и подрывъ авторитета этой организаціи въ глазахъ массы соціальдемократовъ. А это, въ свою очередь, поставило бы съ такой же неизбѣжностью, вновь на очереди вопросъ объ остающихся до сихъ поръ не регулированными никакимъ общимъ уставомъ организаціонныхъ отношеніяхъ комитетовъ къ совокупности сознательныхъ пролетаріевъ каждой мѣстности. Отсюда уже видно, какую медвѣжью услугу оказалъ дѣлу централизма нашъ великій стратегъ, когда во имя своего безшабашнаго „интеллигентскаго индивидуализма", не признающаго подчиненія своей воли волѣ коллективности, *замѣнилъ* рѣшеніе важнѣйшихъ организаціонныхъ вопросовъ на съѣздѣ рѣшеніемъ ихъ на „процѣженномъ" собраніи „24-хъ," которое онъ систематически терроризировалъ угрозой „сдѣлать партію несчастной" своимъ выходомъ въ отставку. Это значило — расколоть *партійную организацію* и тѣмъ самымъ *устранить всякую возможность* опираться на ея авторитетъ въ дѣлѣ регулированія „сверху внизъ" всѣхъ организаціонныхъ отношеній внутри партіи въ широкомъ смыслѣ слова. И у него хватаетъ все еще наивности вопрошать меня (стр. 91): „Не попробуетъ ли онъ (Мартовъ) показать намъ, что былъ на свѣтѣ такой партійный съѣздъ, что мыслимъ, вообще, такой партійный съѣздъ, въ которомъ бы большинство не закрѣпляло завоеваннаго вліянія 1) проведеніемъ большинства же въ центры, 2) врученіемъ имъ власти для парализованія шаткости, неустойчивости и расплывчатости?" Тов. Ленину за меня отвѣтилъ уже Каутскій и изъ его простыхъ словъ о невозможности строить нелегальную (да и одну ли только нелегальную?) соціалистическую партію на „принципѣ" подавленія числомъ голосовъ — вытекаетъ ясно, какимъ въ сущности „русскимъ дикаремъ" является авторъ „Шага" въ вопросахъ политической организаціи.

Изъ сказаннаго мною уже видно, что мы — „меньшинство" — не такъ уже чужды, какъ это кажется тов. Ленину, идеѣ „построенія партіи сверху внизъ, исходя отъ съѣзда", если только подъ „построеніемъ партіи" понимать не канцелярскую мечту творенія „изъ ничего", а реальное революціонное дѣло *оформленія фактически слагающейся рабочей партіи*. Но именно, чтобы можно было строить „сверху внизъ", надо съѣздомъ партійныхъ организацій воспользоваться для того, чтобы усилить въ высшей степени то *начало довѣрія*, на которомъ — при нелегальныхъ нашихъ условіяхъ, при отсутствіи гласности и демократическаго контроля — держится вліяніе комитетовъ на всѣхъ соціальдемократовъ и — черезъ нихъ — на рабочую массу. И, конечно, объединеніе руководящихъ организацій нужно было *не для того*, чтобы совмѣстными усиліями накинуть и затянуть на шеѣ сознательнаго пролетаріата „мертвую петлю" какого нибудь ультра-централистическаго „плана". Значительное вліяніе, которое воплощало

бы въ себѣ такая объединенная и крѣпкая своимъ единствомъ партійная организація, позволило бы ей безъ всякаго „кровопролитія“, безъ лишнихъ треній, выполнить трудную работу проведенія сложной организаціонной сѣти отъ „центровъ“ къ массѣ дѣйствительныхъ соціальдемократовъ, группирующихся около нашихъ комитетовъ. Безъ всякой „игры въ демократизмъ“ и въ „выборное начало“ могла бы быть совершена эта реформа, въ результатѣ которой мы бы имѣли развившуюся изъ нынѣшняго зародыша *пролетарскую партію*, начинающуюся отъ „всѣхъ сознательныхъ пролетаріевъ“ и кончающуюся „конспиративнымъ ядромъ профессіональныхъ революціонеровъ“. Этой стороны „организаціоннаго вопроса“ для тов. Ленина, очевидно, не существовало, и *намекомъ* на эту сторону дѣла явился злосчастный § 1 устава, смыслъ котораго заключался въ напоминаніи партійнымъ организаціямъ, что онѣ—пока еще—являются только тѣми кадрами, изъ которыхъ, путемъ повторной мобилизаціи, должна еще образоваться партійная армія.

Большинство съѣзда смутно, по крайней мѣрѣ, чувствовало, что прошлое позволяетъ намъ учесть силы только этого организованнаго ядра и лишь *внутри* его оформить юридически организаціонныя отношенія. Вопроса о типѣ мѣстной организаціи, объ отношеніяхъ между комитетами и подчиненными имъ группами, *нашъ уставъ вовсе не касается*, и тов. Ленинъ клевещетъ на съѣздъ, когда приписываетъ ему санкціонированіе тѣхъ канцелярскихъ плановъ мѣстной организаціи, которые содержатся въ „Письмѣ къ товарищу“.

Какъ же должна была идти постройка партіи „сверху внизъ“, „исходя изъ партійнаго съѣзда и имъ созданныхъ учрежденій?“ „Меньшинство“ отвѣтило на этотъ вопросъ *послѣ съѣзда*, когда показало, что стоящія передъ нами задачи *организаціи* не могутъ быть разрѣшены иначе, какъ по мѣрѣ разрѣшенія выдвинутыхъ развитіемъ нашей партіи вопросовъ *тактики*. Это значитъ слѣдующее. Работа недавняго прошлаго была, по существу своему, работой вовлеченія широкихъ массъ пролетаріата въ борьбу съ самодержавіемъ, какъ „обще-національнымъ“ врагомъ Россіи. Для выполненія этой работы намъ достаточно было имѣть единомысляшіе комитеты, пользующіеся въ глазахъ массы достаточнымъ революціоннымъ авторитетомъ, чтобы періодически мобилизовать ее для всякаго рода политическихъ „оказательствъ“ и связанные съ массой черезъ посредство разныхъ группъ и кружковъ, служащихъ техническими помощниками комитетовъ въ дѣлѣ руководства массовымъ проявленіемъ борьбы. Ведущаяся комитетами въ этихъ кружкахъ пропаганда и попадающія въ массу, черезъ посредство газетъ, брошюръ и прокламацій, обрывки соціальдемократическихъ идей являются гомеопатически малой дозой соціальдемократическаго содержанія, вносимаго въ „чисто-политическую“, революціонно-демократическую агитацію противъ царизма.

Такого рода политическое руководство пролетаріатомъ не можетъ считаться дѣйствительнымъ соціальдемократическимъ руководствомъ. Чтобы оно стало таковымъ, наша работа должна существенно реформироваться въ томъ направленіи, чтобы даль-

нѣйшему расширенію и революціонизированію массового движенія соотвѣтствовали и развитіе и ростъ самостоятельной *классовой партіи пролетаріата*, въ которой „комитеты“ являлись бы признанными ею ея *политическими представителями*. Самая агитація наша должна стать разностороннѣе и глубже, чтобы вмѣстить всѣ составные элементы нашей классовой программы; политика Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи должна не „идеально“ лишь, не со стороны чистоты руководящихъ ея „вождями“ принциповъ, а реально, на дѣлѣ, стать активной политикой сознательнаго слоя россійскаго пролетаріата, уполномоченными котораго являлись-бы эти „вожди“ (какой „хвостизмъ“, неправда ли, тов. Ленинъ?); этотъ сознательный слой пролетаріата долженъ принимать, слѣдовательно, активное участіе во всѣхъ проявленіяхъ партійной жизни, въ процессѣ выработки партіей ея программы, принциповъ ея тактики и методовъ ея организаціи. Когда это будетъ на лицо, тогда мы сможемъ съ полнымъ правомъ назвать себя *авангардомъ* россійскаго пролетаріата, тогда и только тогда мы сможемъ надѣяться, что неминуемо-предстоящій моментъ ликвидаціи царизма будетъ одновременно моментомъ вторженія русскаго пролетаріата, *какъ сознательнаго класса*, въ тѣ сферы открытой политической жизни, которыя попытается захватить въ свое монопольное владѣніе россійская буржуазія.

Вотъ какая громадная политическая задача стояла непосредственно передъ нами въ моментъ „ликвидаціи третьяго періода“ на второмъ съѣздѣ; вотъ какую задачу намъ придется рѣшать въ тотъ, надѣемся, близкій уже моментъ, когда мы исправимъ ошибки второго съѣзда и возстановимъ единство внутри своей „организаціи руководителей“ для того, чтобы приступить, непосредственно и не покладая рукъ, къ работѣ по превращенію этой организаціи въ остовъ *самостоятельной классовой пролетарской партіи*.

Еслибы второй съѣздъ не совершилъ указанной ошибки, еслибы онъ не закончился новымъ расколомъ „организаціи руководителей“, — первымъ дѣломъ созданныхъ имъ учрежденій было бы: принятыя съѣздомъ политическихъ представителей рѣшенія *сдѣлать достояніемъ всего сознательнаго пролетаріата*. Вернувшіеся со съѣзда делегаты, выбранный ими Ц. К. не должны были бы ознакомлять мѣстные комитеты разсказами о вновь объявившемся неуловимомъ теченіи „мягкаго искровства“, а тѣмъ паче, о внезапномъ впаденіи Засуличъ и Аксельрода въ „оппортюнизмъ“, да еще такой, о которомъ ни делегаты, ни члены Ц. К. не могли сообщить „комитетчикамъ“ ничего вразумительнаго, впредь до того, какъ тов. Ленинъ „покажетъ“, что̀ это за новый оппортюнизмъ. Но за то они должны были бы, черезъ посредство мѣстныхъ комитетовъ, ознакомить передовые слои пролетаріата съ принятой на съѣздѣ *программой*, съ рѣшеніями съѣзда о принципахъ политической дѣятельности партіи и съ конкретными вопросами организаціи, разсмотрѣнными на съѣздѣ. Обсужденіе во всевозможныхъ группахъ и собраніяхъ результатовъ съѣзда сдѣлало бы самый съѣздъ, въ которомъ участвовали только представители комитетовъ, дѣйствительнымъ

съѣздомъ *партіи*, рамки которой сами собой опредѣлялись бы въ ходѣ этого обсужденія. Планомѣрная пропаганда рѣшеній съѣзда очертила бы, такимъ образомъ, около комитетовъ кругъ дѣйствительныхъ *членовъ партіи*, раздѣляющихъ ея программу и готовыхъ работать подъ руководствомъ комитетовъ. Эта пропаганда связала бы съ комитетами и ихъ съѣздомъ, а, слѣдовательно, и съ Ц. К., самыми прочными узами многія тысячи передовыхъ рабочихъ. И это же обсужденіе позволило бы „провѣрить“ рѣшенія съѣзда въ вопросахъ тактики и организаціи, какъ провѣрилъ поведеніе своей делегаціи „Бундъ“, проведшій черезъ многіе десятки агитаторскихъ собраній вопросъ о федераціи и автономіи. И только по совершеніи такой „провѣрки“, мы имѣли бы нравственное право говорить, что рѣшенія нашего съѣзда были не только приняты съ *точки зрѣнія* пролетаріата, но и исходили, по существу, *отъ пролетаріата*.

Да что вопросъ о „Бундѣ“! Мы приняли одно опредѣленное рѣшеніе по очень конкретному вопросу тактики — по вопросу объ отношеніи пролетаріата къ закону о „фабричныхъ старостахъ“. Какъ могло случиться, что теперь, черезъ годъ послѣ съѣзда мы не имѣемъ голоса сознательнаго пролетаріата по этому практическому вопросу? что мы *не знаемъ*, гдѣ и какъ была принята пролетаріями наша резолюція, встрѣтившая столь различную оцѣнку среди насъ — „профессіональныхъ революціонеровъ“? Не означаетъ ли этотъ фактъ, что у насъ еще нѣтъ партійной жизни за предѣлами „интеллигентскихъ“ комитетовъ?[1])

Но партія развивается не однимъ обсужденіемъ принциповъ своей политической дѣятельности, а больше всего самымъ процессомъ этой дѣятельности. И если бы мы ушли со съѣзда, какъ единая партійная организація, передъ нами встала бы задача такой работы на мѣстахъ, въ которой могла бы проявиться, какъ живой организмъ, пролетарская партія.

Сдѣлать отдѣльныя проявленія нашей агитаціи отдѣльными актами политической самодѣятельности сознательныхъ рабочихъ; ввести ихъ въ кругъ вопросовъ общественной жизни, монополизированныхъ до сихъ поръ реакціонной, либеральной и радикальной буржуазіей; добиться коллективнаго вмѣшательства ихъ въ сферу этихъ вопросовъ, какъ самостоятельной политической силы; использовать, слѣдовательно, организуемыя нами и независимо отъ насъ организующіяся рабочія собранія для выработки *коллективнаго мнѣнія* пролетаріата по вопросамъ политической жизни; пріурочить къ проявленіямъ этого коллективнаго мнѣнія наши манифестаціи и протесты — и во всей этой работѣ дѣйствительнаго *политическаго руководства* вести одну, опредѣляемую нашей программой, линію — линію самостоятельной классовой политики пролетаріата, внѣ которой немыслимо существованіе классовой пролетарской партіи.

---

[1]) Судя по нѣкоторымъ сообщеніямъ изъ Баку, Екатеринослава, Одессы, вопросъ этотъ занималъ сознательныхъ рабочихъ. Органъ московскихъ типографовъ („Вѣстникъ“ № 5) выступилъ противъ тактики, предписанной съѣздомъ.

Эта громадная и новая работа не можетъ быть осуществлена разрозненными силами слабыхъ мѣстныхъ комитетовъ. Въ ней намъ необходимъ центральный комитетъ. И нашъ Ц. К. (продолжимъ свою „утопію“) беретъ въ свои руки дѣло качественнаго подъема уровня нашей работы, въ цѣляхъ выработки, въ процессѣ политической борьбы, дѣйствительно-пролетарской партіи. Ц. К. непосредственнымъ вліяніемъ и разсылкой своихъ агитаторовъ и пропагандистовъ помогаетъ мѣстнымъ комитетамъ справиться съ работой ознакомленія сознательныхъ рабочихъ съ результатами съѣзда. Онъ пропагандируетъ въ комитетахъ *методы* систематическаго воздѣйствія на рабочую массу въ цѣляхъ выработки въ ней элементовъ классового самосознанія. Наступаетъ японская война. Ц. К. беретъ въ свои руки дѣло мобилизаціи россійскаго пролетаріата для систематическаго протеста противъ войны во имя его классовыхъ интересовъ. Небольшая группа толковыхъ агитаторовъ объѣзжаетъ всѣ центры движенія, съ помощью мѣстныхъ комитетовъ собираетъ рядъ сходокъ, проводитъ опредѣленныя резолюціи, знакомитъ возможно-широкіе круги рабочихъ съ перипетіями авантюристской политики самодержавія, съ конкретнымъ соотношеніемъ выступающихъ на политическій сценѣ общественныхъ силъ, съ поведеніемъ буржуазіи, съ зигзагами либераловъ. Время отъ времени, изъ подполья нелегальныхъ собраній волна пролетарскаго протеста выливается въ открытую уличную демонстрацію. Политическая дѣятельность соціальдемократіи выражается уже не въ разрозненныхъ прокламаціяхъ комитетовъ и статьяхъ Ц. О., она становится политической дѣятельностью *класса*. И на почвѣ только этой слагающейся политической борьбы класса можетъ идти успѣшно дѣло *„формальной организаціи“* его передовыхъ элементовъ.

Въ дѣлѣ этой организаціи мы идемъ „сверху внизъ, исходя отъ съѣзда“. Но мы „идемъ“ не въ пустое мѣсто, не въ царство тѣней, а въ такую среду, въ которой „снизу вверхъ“ совершается процессъ „самовольнаго“ объединенія пролетаріевъ, ихъ „стихійной“ организаціи. Мы привѣтствуемъ этотъ „самовольный“ процессъ, потому что онъ является прямымъ результатомъ нашей агитаціи, потому что при условіи, что содержаніе этой агитаціи дѣйствительно соціальдемократическое, и сама организація „стихійно“ стремится служить не ограниченнымъ какимъ нибудь цѣлямъ „самопомощи“ на профессіональной почвѣ, а цѣлямъ классовой борьбы. Но мы знаемъ хорошо, что намъ нужна централизованная партійная организація. Не боясь создаваемыхъ рабочими „самовольныхъ“ организацій, мы, однако, не думаемъ подчинять *этимъ* организаціямъ всецѣло своей боевой, сверху внизъ строящейся, конспиративной организаціи, мы не „строимъ партіи снизу вверхъ“. Мы заявляемъ право нашей конспиративной организаціи, санкціонированной съѣздомъ и „общественнымъ мнѣніемъ“ сознательнаго пролетаріата, подчинять своему революціонному контролю дѣятельность этихъ „самовольныхъ“ рабочихъ организацій — въ цѣляхъ поддержанія единства политическаго дѣйствія и въ цѣляхъ „конспиративнаго отбора“. И чѣмъ содержательнѣе въ соціальдемократи-

ческомъ смыслѣ слова будетъ наша агитація, чѣмъ болѣе развита будетъ политическая жизнь всѣхъ этихъ рабочихъ организацій, тѣмъ меньше опасности, что централизующая руководство ихъ дѣятельностью „организація профессіональныхъ революціонеровъ“ идейно и матеріально „оторвется отъ массы“, тѣмъ меньше опасности, что она превратится въ *заговорщическій кружокъ*.

Вотъ тотъ „оппортюнизмъ“ нынѣшняго „меньшинства“, который, по Ленину, является результатомъ психологіи „интеллигентскаго индивидуализма“, возставшаго противъ „пролетарской дисциплины“! Страшное слово, нечего сказать; но, если посмотрѣть „въ глубь вещей“, то появленіе этого страшнаго слова найдетъ свое достаточное объясненіе.

Въ самомъ дѣлѣ, если поставить вопросъ: въ какомъ отношеніи стоитъ „пролетарская дисциплина“ къ той организаціонной утопіи Ленина, которую мы подвергаемъ критикѣ, то отвѣтъ будетъ одинъ: то, что Ленинъ идеализируетъ въ своей системѣ, какъ высшее проявленіе прирожденной пролетарской дисциплины, есть не что иное, какъ политическая пассивность и сравнительная партійная незрѣлость большинства сознательныхъ пролетаріевъ; пассивность и незрѣлость, на которыхъ держится нехитрое зданіе „доселѣшней“ нашей партійной организаціи.

Группы соціальдемократовъ-интеллигентовъ — среди которыхъ въ ничтожномъ количествѣ теряются отдѣльные пролетаріи — руководятъ очень еще неразвитымъ рабочимъ движеніемъ на мѣстахъ. Основные кадры этого движенія — сознательные рабочіе — плохо организованы, плохо воспитаны политически. не проявляютъ достаточной степени активности въ вопросахъ *общаго* направленія движенія, въ вопросахъ партійной тактики. Отдѣльныя попытки проявить свою активность („бунты“ рабочихъ организацій противъ комитетовъ) терпятъ жалкое фіаско, потому что *содержаніе* ихъ протеста черезчуръ узко, слишкомъ примитивно, чтобы оказать вліяніе на общее направленіе работы партіи, которая давленіемъ внѣшнихъ условій *вынуждена* ставить себѣ широкія цѣли, въ масштабѣ, опредѣляемомъ громадностью исторической задачи, въ рѣшеніи которой мы, — соціальдемократы, — должны принять участіе. Но — въ массѣ своей — сознательные рабочіе слишкомъ еще политически неопытны; не имѣя ни нашего (интеллигентовъ) опыта предыдущихъ революціонныхъ поколѣній, ни достаточно теоретическихъ знаній и знакомства съ рабочимъ движеніемъ передовыхъ странъ, они слишкомъ далеко отстаютъ отъ „сливокъ“ соціальдемократической интеллигенціи, чтобы, какъ равные съ равными, соучаствовать съ ними въ рѣшеніи вопросовъ партійной политики. И тѣ вопросы, которые на „высотахъ“ партіи ставились въ широкомъ объемѣ крупныхъ проблемъ программы и тактики — ортодоксія или бернштейніанизмъ, самостоятельная революціонная политика или политика credo? — эти вопросы для массы „рядовыхъ“ принимали „упрощенный“ видъ — стачка или демонстрація? экономическое улучшеніе или „долой самодержавіе“? профессіональная касса или революціонная организація? При та

кихъ условіяхъ, какъ только наступила должная „гармонія настроенія“ между „управляющими“ и „управляемыми“, какъ только сознательные рабочіе вошли цѣликомъ въ интересы непосредственной борьбы за сверженіе самодержавія, а комитеты поставили сколько-нибудь сносно агитацію въ интересахъ этой борьбы, — между тѣми и другими установились организаціонныя отношенія, исключающія прежнія мучительныя тренія и основанныя на болѣе или менѣе полномъ довѣріи рабочихъ къ комитетамъ и къ ихъ, недоступной контролю рабочихъ, политикѣ. Опираясь на такую гармонію, комитеты на второмъ съѣздѣ выработали свою „внутреннюю конституцію“. И вотъ теперь тов. Ленинъ, принимая за данное *абсолютизмъ* комитетовъ въ мѣстномъ движеніи, какъ результатъ партійной незрѣлости широкихъ круговъ рабочихъ, хочетъ сдѣлать этотъ абсолютизмъ организаціоннымъ принципомъ всей партіи, причемъ наивно выводить этотъ свой принципъ изъ исторически-преходящаго момента пролетарской пассивности, которую онъ возводитъ въ санъ прирожденной „пролетарской дисциплины“.

Рабочіе спокойно присутствовали при томъ, какъ ихъ комитеты изъ „бернштейніанскихъ“ становились „ортодоксальными“, въ то время какъ убогая мѣстная практика, въ сферѣ которой они только и жили, была равно далека и отъ бернштейніанскихъ и отъ рев. соц.-дем. принциповъ. Рабочіе спокойно терпятъ, какъ комитеты выносятъ резолюціи противъ „меньшинства“ и въ пользу „меньшинства“, оставаясь при самомъ смутномъ пониманіи „большинства и меньшинства“ и при полномъ невѣдѣніи того отношенія, какое имѣютъ споры между ними къ вопросамъ мѣстной практики. Такова печальная дѣйствительность, кричащая о томъ, сколько намъ еще нужно работать, чтобы сдѣлать партію нашу пролетарской не по субъективнымъ только настроеніямъ, ее одушевляющимъ, а и по характеру ея внутренняго строенія. И эту печальную дѣйствительность тов. Ленинъ идеализируетъ, какъ высшее выраженіе присущей пролетарію дисциплины! „Клевещутъ на пролетаріатъ по вопросу о неподготовленности (его) къ организаціи“, демагогически восклицаетъ онъ (стр. 145). „Не пролетаріату, а нѣкоторымъ интеллигентамъ изъ нашей партіи не достаетъ самовоспитанія въ духѣ организаціи и дисциплины...“. „Пролетаріатъ не боится организаціи и дисциплины, господа“ (ibid). И все это по тому случаю, что пролетаріатъ *еще не* поднялся на такую высоту политическаго пониманія, которая позволила бы ему *взять подъ свой контроль* всю работу руководства „нѣкоторыхъ интеллигентовъ“, возмнившихъ, что они, помощью ежевыхъ рукавицъ и „уставчика“, спасутъ пролетаріатъ отъ его собственной „стихійности“, влекущей его въ сторону „буржуазной идеологіи“... Тов. Ленинъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что, какъ карась „любитъ“, чтобы его жарили въ сметанѣ, такъ и пролетарій „предпочитаетъ“, чтобы политика *рабочей* партіи велась комитетами изъ интеллигентовъ (изъ тѣхъ, которые получатъ отъ Ц. К. свидѣтельство въ самоосвобожденіи отъ „индивидуализма“), чтобы вопросы партійной тактики оставались вѣчно достояніемъ интеллигентскихъ „верховъ“ партіи. А кто не раздѣляетъ этой

„любви“ пролетаріата, кто не вѣритъ въ спасительность такой — вытекающей изъ политической неопытности — дисциплины, кто желаетъ влить новую струю въ эту партійную жизнь, тотъ — „буржуазный индивидуалистъ“.

Да, карась любитъ, чтобы его жарили въ сметанѣ. До такой степени любитъ, что готовъ воспѣвать ту сковородку, на которой онъ жарится. Вы не вѣрите? „Попытки эти (попытки „меньшинства“ систематизировать свои взгляды. Л. М.) замѣчательно подтверждаютъ высказанное уже на съѣздѣ партіи соображеніе о различіи точекъ зрѣнія буржуазнаго интеллигента, присоединяющагося къ соціальдемократіи, и пролетарія, сознавшаго свои классовые интересы. Напр., тотъ же „Практикъ“ новой „Искры“... изобличаетъ меня въ томъ, что партія представляется мнѣ, какъ „огромная фабрика“ съ директоромъ, въ видѣ Ц. К., во главѣ ея. „Практикъ“ и не догадывается, что выдвинутое имъ страшное слово сразу *выдаетъ психологію буржуазнаго интеллигента, незнакомаго ни съ практикой, ни съ теоріей пролетарской организаціи*“. (стр. 147)

Остановимся пока на этихъ словахъ. Тов. Ленинъ, когда писалъ ихъ, долженъ былъ знать досконально, что тов. „Практикъ“ — *пролетарій*, которому фабрика знакома не по изслѣдованію Туганъ-Барановскаго, а на собственной шкурѣ. Тов. Ленинъ не могъ не знать этого, но, такъ какъ для него „истина есть результатъ судоговоренія“, то онъ считаетъ себя вправѣ говорить, по поводу Практика, о „точкѣ зрѣнія буржуазнаго интеллигента, присоединяющагося къ соціальдемократіи“, о „психологіи буржуазнаго интеллигента“, незнакомаго... даже съ „практикой пролетарской организаціи“.

По существу вопроса, Ленину отвѣчаетъ тов. Р. Люксембургъ. Нужна удивительная примитивность мысли, чтобы, какъ это дѣлаетъ Ленинъ, сказать: „дисциплина и организація, которыя съ такимъ трудомъ даются буржуазному интеллигенту, особенно легко усваиваются пролетаріатомъ, именно благодаря этой фабричной „школѣ“. Ленинъ заявляетъ, что фабрика „научила пролетаріатъ организаціи“ и упускаетъ при этомъ изъ виду, что фабрика организуетъ только *техническую дѣятельность* людей, тогда какъ въ развитіи ихъ *политической* дѣятельности фабричная дисциплина является тѣмъ первымъ *препятствіемъ*, которое пролетаріямъ приходится преодолѣть борьбой. Воображать, потому, что пролетарская партійная организація такъ и должна быть *копіей съ организаціи фабрики*, — это значитъ подтвердить худшія изъ обвиненій, какія доселѣ были предъявлены нашему дезорганизатору.

„Смертельная боязнь передъ этой (фабричной) школой, непониманіе ея организующаго значенія, характерны именно для пріемовъ мысли, отражающихъ мелкобуржуазныя условія существованія“. Сильно сказано, тов. Ленинъ! Только не кажется ли вамъ, что представленіе рабочей партіи въ видѣ большой „политической фабрики“ очень типично отражаетъ взгляды весьма „индивидуалистичнаго“ *для себя* просвѣщеннаго русскаго администратора, который для „подлой черни“ не можетъ и представить себѣ другой „организующей школы“, какъ школы

пассивнаго механическаго повиновенія, а „политическое руководство“ надъ этой „чернью“ отождествляетъ съ „руководствомъ“ *фабричнаго надсмотрщика*?

Въ разговорахъ объ „интеллигентскомъ индивидуализмѣ“ и въ ссылкахъ на примѣръ зап.-европейскихъ рабочихъ партій авторъ „Шага впередъ“ снова проявляетъ поразительное отсутствіе *исторической перспективы*. Послушать его, такъ „массовой“ интеллигентъ-революціонеръ *при всякихъ условіяхъ и вездѣ*, сообразно своей „природѣ“, является въ политической организаціи индивидуалистомъ-автономистомъ. Но, какъ же быть съ „интеллигентскими“ организаціями старыхъ бланкистовъ? какъ быть съ нечаевцами? какъ быть съ Народной Волей? какъ быть съ Р. Р. S? какъ быть, наконецъ, съ нашимъ нынѣшнимъ „большинствомъ“, строящимъ ультра-централистически свою чисто „интеллигентскую“ организацію? Впрочемъ, о „большинствѣ“ или, по крайней мѣрѣ, о тов. Ленинѣ еще не сказано здѣсь послѣднее слово. Мы, по крайней мѣрѣ, не теряемъ надежды увидѣть современемъ, *когда тов. Ленинъ разойдется съ нынѣшнимъ „большинствомъ“*, возстаніе „индивидуальности„ тов. Ленина противъ имъ же созданной организаціи. И тогда, быть можетъ, всѣ члены партіи будутъ имѣть матеріалъ для того, чтобы судить, насколько тов. Ленинъ *въ своей индивидуальной политической дѣятельности даннаго момента считается съ дисциплиной той коллегіи, въ которую онъ входитъ?*

Клевещутъ на пролетаріатъ, — плачется Ленинъ, — говоря объ его неспособности къ организаціи. Тов. Ленинъ, напротивъ, благоговѣйно вѣритъ въ способность русскаго пролетаріата къ организаціи. Онъ только хорошо помнитъ, что „организовать, это — прежде всего — написать уставъ“. При такомъ опредѣленіи, способность пролетаріата къ организаціи означаетъ способность принимать „уставную грамоту“, какъ „принимали“ ее въ свое время „освобождаемые“ крестьяне. А пролетарская склонность къ организаціи означаетъ жгучую любовь къ управленію помощью присланныхъ „сверху“ уставовъ. Не скверная ли это насмѣшка тов. Ленина надъ нынѣшней далеко не идеальной степенью политическаго развитія нашихъ пролетаріевъ, надъ ихъ политической пассивностью, благодаря которой они не умѣютъ, подобно нѣмецкимъ, напр., рабочимъ, сами *организоваться* въ политическіе союзы, самоуправляющіеся, воспитывающіе своихъ членовъ и самостоятельно „переваривающіе“ всю сложность соціальдемократической программы? То положеніе дѣлъ, при которомъ, пока не появилось „интеллигентскаго“ комитета, передовые рабочіе, большей частью, не могутъ сами пойти дальше образованія кружка саморазвитія, цеховой кассы или разрозненной (lose) организаціи, распространенія литературы, — это положеніе, свидѣтельствующее о громадности работы организаціоннаго самовоспитанія, предстоящей пролетаріату, тов. Ленинъ идеализируетъ, какъ полную готовность пролетаріевъ къ тому, чтобы ихъ „заѣзжали“ — виноватъ, организовали „сверху“, строя всю организацію на базисѣ пассивности! И этотъ человѣкъ, до мозга костей пропитанный психологіей заговорщика, для котораго политическая пас-

сивность широкихъ слоевъ пролетаріата является необходимымъ базисомъ для развитія ихъ активной революціонности, въ роли пушечнаго мяса, идущаго въ бой подъ командой „крѣпкой организаціи профессіональныхъ революціонеровъ“, — и этотъ человѣкъ утверждаетъ, что „онъ даетъ рабочимъ стимулъ къ организаціи“. *Онъ* „защищаетъ“ рабочихъ, увѣряя, что они „склонны“ къ той специфической организаціи, которую онъ проповѣдуетъ, которая считается съ рабочими, не какъ съ субъектами всесторонней политической дѣятельности, а какъ съ объектами упрощеннаго политическаго воздѣйствія „профессіонально революціонныхъ“ комитетовъ, какъ съ пассивными орудіями въ рукахъ этихъ комитетовъ. Еще разъ — не скверная ли это насмѣшка *такъ* „защищать“ русскихъ рабочихъ отъ „клеветы“ „меньшинства“? Не означаютъ ли, слѣдовательно, слова о „пролетарской дисциплинѣ“ перефразировки того положенія, что карась любитъ, чтобы его жарили въ сметанѣ?

Сознательные рабочіе должны обратить самое серьезное вниманіе на этотъ вопросъ. Дальнѣйшая ихъ политическая пассивность въ дѣлахъ партіи является серьезной опасностью для всего пролетарскаго дѣла. Дальнѣйшее *безусловное* довѣріе къ политическому руководительству нынѣшнихъ интеллигентскихъ организацій, руководимыхъ, въ свою очередь, „ленинцами“, можетъ привести къ вытравленію изъ нашей партіи и тѣхъ чертъ пролетарской партіи, которыя она уже себѣ привила.. Пусть знаютъ сознательные пролетаріи, что жупелъ „оппортунизма въ организаціонныхъ вопросахъ“ есть просто вздоръ, придуманный для гипноза „несознательныхъ интеллигентовъ“, ибо оппортунизмъ не можетъ ограничиваться вопросами организаціи, и оппортунистическое рѣшеніе послѣднихъ должно быть связано съ оппортунистическимъ пониманіемъ самыхъ задачъ партіи. А оппортунистическое пониманіе этихъ задачъ бываетъ весьма разнообразно, но всѣ виды его могутъ быть сведены къ одному источнику. Этотъ источникъ — отрицаніе (сознательное или безсознательное) задачи самостоятельной классовой политики пролетаріата, а, слѣд., въ области организаціонной — отрицаніе работы надъ выработкой самостоятельной *пролетарской* политической партіи. Кто, словомъ или дѣломъ, отрицаетъ *такую* организаціонную задачу, кто, во имя ли интересовъ борьбы съ самодержавіемъ, во имя ли превратныхъ представленій о сущности организаціи, т. е. во имя идеализаціи „организаціи сверху“, покоящейся на полной пассивности механически организуемыхъ массъ, во имя ли недовѣрія къ „стихійности массъ“, — кто, по какимъ бы то ни было причинамъ, ставитъ препятствія процессу политическаго *самовоспитанія* пролетаріата, путемъ его активнаго участія въ выработкѣ политики *его* партіи; кто, по какимъ бы то ни было побужденіямъ, противодѣйствуетъ такому углубленію нашей политической работы, при которой пролетаріи въ самой повседневной борьбѣ получали бы импульсы къ политическому самовоспитанію въ ходѣ постояннаго ихъ вмѣшательства, какъ сознательной силы, въ общественную жизнь современной Россіи; кто пытается (см. „Шагъ впередъ“) отвлечь ихъ вниманіе отъ *этихъ* тактическихъ

задачъ къ чисто механической работѣ организаціи сверху на предметъ выработки изъ массы соціальдемократовъ простого техническаго аппарата *управленія* пролетарскими массами, — тотъ оппортунистически приспособляетъ задачи соціальдемократіи къ убожеству той политической обстановки, въ которой пролетаріатъ дѣлаетъ свои первые шаги, къ потребностямъ „общенаціональной" революціи, нуждающейся въ рабочихъ, только какъ въ революціонно-настроенной массѣ. Тотъ — несмотря на революціонность своего настроенія — является оппортунистомъ постольку, поскольку онъ отказывается *теперь же* работать надъ формированіемъ изъ пролетаріата самостоятельной классовой силы. И противъ этого оппортунизма сознательные рабочіе должны повести самую рѣшительную борьбу. И этотъ оппортунизмъ, въ отличіе отъ выдуманнаго Ленинымъ, никогда не сможетъ ограничиться областью организаціонныхъ вопросовъ, онъ непремѣнно проявится и въ области тактики, и въ области программы, и въ области текущей *политики*.

Дѣйствительные принципіальные сторонники пролетаріата изъ „интеллигенціи" должны, въ свою очередь, освободиться отъ гипноза *этого* вида оппортунизма, проводящаго, подъ флагомъ „пролетарской дисциплины", самое „хвостистское" санкціонированіе такихъ тенденцій нашего движенія, которыя означаютъ временную неспособность пролетаріата играть иную роль, чѣмъ роль пассивнаго орудія буржуазной революціи.

Пролетарская партія или организація интеллигентскихъ руководителей несознательныхъ пролетарскихъ массъ — такъ стоитъ теперь вопросъ, который тов. Ленинъ пытается окутать туманомъ абстрактно-метафизическихъ противопоставленій. Разносторонняя соціальдемократическая тактика, развивающая элементы *такой* партіи, или упрощенная тактика „вовлеченія массъ" въ общереволюціонную борьбу съ самодержавіемъ, на неизмѣнномъ базисѣ политической пассивности передового слоя пролетаріата? Политическая самодѣятельность пролетаріевъ или вѣчная опека надъ ними непролетарской организаціи? Такъ стоитъ вопросъ, на который каждый членъ партіи долженъ дать себѣ отчетливый и ясный отвѣтъ.

И если сознательные рабочіе, дѣйствительно, „оклеветаны" Ленинымъ, пытающимся увѣрить своихъ интеллигентныхъ читателей, что карась любитъ, чтобы его жарили въ сметанѣ, — то они приложатъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы отвѣтъ партіи на этотъ вопросъ гласилъ:

„Рос. Соц.-Дем. Раб. Партія сознательно хочетъ быть и остаться классовымъ движеніемъ организованныхъ рабочихъ массъ" (Ман. Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи 1898 г.).